2009 г. № 8-ФЗ; Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации. ФЗ РФ от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ и др.
7. *Богданова Н.А*. Категория статуса в конституционном праве // Вестник Московского университета, сер. 11. Право. 1998. № 3. С. 5.

УДК 327: 355.015

Цыбаков Д. Л., к. полит. н., доц.

Политика милитаризма как угроза международной безопасности

В статье анализируется стратегия ведущих мировых держав и ее влияние на национальные интересы России. Рассматриваются последствия милитаризации постсоветского пространства для состояния национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: международная безопасность, национальная безопасность, международные отношения, милитаризм, милитаризация, постбиполярный мир.

Одной из недостаточно изученной и осмысленной научным сообществом угроз международной безопасности и национальной безопасности России продолжает оставаться политика милитаризации. Несмотря на характерные для периода 1990-х гг. миролюбивые декларации и миротворческие инициативы, международные отношения по-прежнему отличают высокий уровень конфронтации и склонность их ведущих субъектов к вооруженному насилию. Справедливым представляется суждение, что на рубеже тысячелетий произошло резкое ослабление факторов, которые ранее, в эпоху «двухполярного мира», существенно ограничивали использование военной силы [1, с. 11].

Окончание «холодной войны», породившее иллюзию отказа от вооруженного насилия как одного из основных средств международной политики, отнюдь не привело к устранению военного фактора из политического процесса. Мировое сообщество оказалось перед необходимостью обустройства нового порядка взаимоотношений между субъектами международных отношений. В отличие от прошлых эпох, когда затяжная военно-политическая конфронтация между противостоящими коалициями государств обычно завершалась серией судьбоносных совещаний или конгрессов, в конце XX в. не был однозначно юридически зафиксирован статус новых мировых лидеров. С завершением «холодной войны» на планете произошла перестановка сил, изменилась конфигурация военно-политических союзов и блоков, перестали действовать многие прежние легальные и неформальные договоренности между субъектами международных отношений. Продолжает нарастать усиливаться подчиненность средних и малых государств «полюсам» мировой силы [2, с. 50]. Усилилось влияние неправительственных акторов, что сочетается с эрозией суверенитета национальных государств, включая ослабление монополии последних на применение вооруженного насилия.

Ведущими трендами, определяющими состояние международной безопасности, стало столкновение двух полярных тенденций политического процесса на планете: «однополярности» и «многополярности».

Сложившееся положение трактуется в научном сообществе с диаметрально противоположных позиций. Как поддержку, так и критику вызывает концепция

«многополярного мира». По мнению одних ученых и практиков, указанный способ организации системы международных отношений способен позитивно влиять на глобальную и региональную безопасность. Вместе с тем, популярен тезис, согласно которому «многополярность», наоборот, способствует эскалации насилия, порождая все новые формы войн и вооруженных конфликтов.

Существует и точка зрения, согласно которой многополярный мир не имеет шансов стать реальностью, поскольку Соединенные Штаты Америки обладают военным и экономическим потенциалом, превосходящим ресурсы и возможности его реальных или вероятных соперников. Приоритетным средством укрепления своего господства правящие круги США избирают вооруженное насилие, игнорируя нормы международного права и мнение Организации Объединенных Наций [3, с. 112].

При этом в общественной мысли, как за рубежом, так и в России, озвучиваются идеи поддержки военно-политической гегемонии США. Констатируется, что оборонная мощь заокеанской державы, помноженная на поддержку со стороны ее союзников, является единственной гарантией от погружения мирового сообщества в полный хаос и воинствующую анархию. Доказывается полезность военной активности Запада в мире для поддержания международной безопасности, так и для интересов Российской Федерации [4, с. 11].

Оценивая сущность международной стратегии очередных претендентов на мировое господство, необходимо учитывать, что в зарубежной науке распространено убеждение о серьезном влиянии на данный процесс такого фактора, как милитаризм. Например, по мнению американского исследователя Э. Бассевича, среди влиятельной части политической элиты Соединенных Штатов сложилось стремление к ликвидации традиционного миропорядка при помощи военной силы [5, P. 2]. Как полагает Э. Бассевич, «вьетнамский синдром», характерный для общественного мнения США в последней четверти XX столетия, был преодолен после успеха операции в Персидском заливе в 1991 г. На фоне триумфа американского оружия начался процесс ремилитаризации национального сознания Соединенных Штатов.

«Новый американский милитаризм», выступает следствием «демократического интернационализма/«интервенционизма», ориентированного на принудительный экспорт демократии.

Как показывают события на Балканах и в Северной Африке, где лидеры Североатлантического альянса, представлявшие европейские страны, сыграли не меньшую роль в развязывании агрессий, нежели США, «военное измерение» действительности становится неотъемлемой чертой внешнеполитической стратегии лидеров Европейского союза.

Авторский подход заключается в определении *милитаризма как системы, совокупности военных, социально-экономических, правовых и идеологических мер, способствующих применению (угрозе применения) субъектами международных отношений вооруженного насилия для разрешения наиболее актуальных внешнеполитических противоречий.*

В свою очередь, отражением динамики данного явления выступает процесс милитаризации», под которым целесообразно понимать два взаимосвязанных, но в то же время самостоятельных явления.

Во-первых, в традиционном толковании, милитаризация – это процесс подчинения международной политики потребностям ведения вооруженной борьбы, в крайнем выражении приводящий к перестройке системы международных отношений на военный лад. Во-вторых, милитаризация оказывает обратное воздействие на политику, когда целенаправленно либо стихийно принципы, методы и технологии воен-

ного происхождения распространяются за пределами оборонной сферы, ложась в основу внешнеполитического курса конкретного субъекта международных отношений.

Результатом политики милитаризации времен правления администрации неоконсерваторов во главе с Дж. Бушем-младшим стала агрессия против Ирака, превращение контртеррористической операции в Афганистане в колониальную войну, наращивание гонки вооружений и «двойное расширение» организации Североатлантического договора. Однако стратегия на принудительное формирование «нового мирового порядка» во главе с представителями атлантической элиты фактически потерпела фиаско. Она способствовала началу нового этапа милитаризации, участниками которого вольно или невольно выступили государства, их коалиции, а также негосударственные акторы политики. Приход к власти в США Б. Обамы сопровождался переориентацией на лидерство в международной системе без ярко выраженного гегемонистского начала [6]. Однако, потенциал милитаризма по-прежнему оказался востребован правящими кругами США и государств Западной Европы. Очевидным примером «модифицированного» милитаризма может служить кампании по свержению легитимных режимов в Ливии и Сирии, серьезно дестабилизировавшие ситуацию на Ближнем Востоке.

Коренные предпосылки современного этапа милитаризации сложились среди политической элиты государств, относящих себя к лидерам демократического мира. Доминантным фактором здесь выступил факт ликвидации Советского Союза и демонтаж его военной организации. Результатом стало появление у апологетов «силового давления» на СССР определенного стереотипа, который может быть обозначен как «синдром победителя». Пребывая в течение многих лет в состоянии постоянной морально-психологической напряженности, обусловленной фобиями, порожденными «холодной войной», военно-политический истэблишмент Североатлантического Союза, воспринял распад СССР не как стечение объективных обстоятельств, а как итог собственных победоносных усилий.

С другой стороны, преподнося уничтожение советского военно-политического блока в качестве результата действий западных демократий, воинствующие политические элиты могли бы найти оправдание многочисленным эксцессам времен «холодной войны» для общественного мнения собственных государств. Политические силы, отрицающие агрессивные методы в международных отношениях, утрачивали аргументы в противодействии сторонникам милитаризации, которые теперь обрели возможность позиционировать себя в качестве «избавителей» мировой цивилизации от угрозы коммунистического тоталитаризма.

Исходя из вышеизложенного, «партии войны» ведущих мировых держав получили своего рода индульгенцию на использование военного потенциала для реализации стратегии международных отношений.

Необходимо помнить, что попытки установления глобальной гегемонии, в «жестком» или «мягком» вариантах, встречает сопротивление значительной части мирового сообщества. Прямое или косвенное противодействие «новому мировому порядку» отмечается не только со стороны традиционных недоброжелателей США в развивающихся странах, но и региональных держав, считающихся союзниками атлантистов. Показательно стремление стран «единой Европы» обзавестись собственной военной организацией, автономной по отношению к НАТО.

Было бы неправомерным возлагать ответственность за новый виток милитаризма в постбиполярном мире исключительно на страны «золотого миллиарда». И в развивающихся странах политические элиты вполне осознанно обращаются к прак-

тике милитаризма, усматривая в нем инструмент укрепления своей национальной безопасности.

Распространенной тенденцией остается склонность правящих кругов стран «второго» или «третьего» миров, особенно пребывающих в стадии формирования национальной государственности, отдавать приоритет военной силе в реализации своего внешнеполитического курса. В наибольшей степени возможности милитаризации востребованы автократическими режимами. К началу XXI столетия на планете сохранялись политические культуры, практикующие реликтовые формы милитаризма. Лидеры и правительства стран, пребывающих в лоне традиционализма, не склонны считаться с международным сообществом, абсолютизируя патриотические настроения своих соотечественников. Ими активно эксплуатируются идеи военного реванша за внешнеполитические провалы времен колониальной зависимости или периода «ограниченного суверенитета».

Серьезный вызов международной безопасности представляет формирование новых государственных образований, чья легитимность требует признания мировым сообществом: «несостоявшихся», «непризнанных» или «частично признанных» государств. Борьба за утверждение суверенности новых субъектов международной политики послужила одной из причин нарастания конфликтогенности в разных регионах мира, включая ближнее зарубежье России. Наряду с институтом государства все активнее проявляют себя и транснациональные вооруженные группировки сетевого типа, во многих случаях выступающие популяризатором идей воинственности и агрессии.

Практика показывает, что милитаризм, оставаясь принадлежностью внешнеполитических стратегий неоднородных по уровню развития государств мира, может проявляться в нескольких вариантах.

Для интеллектуалов западных демократий характерно стремление «облагородить» свои экспансионистские замыслы, представив военные операции в качестве вынужденных мер, нацеленных на решение проблем международной безопасности – противодействие мировому терроризму, борьба с гуманитарными катастрофами и экстремальными ситуациями.

Инициаторы милитаризации в «третьем мире» также оперируют соображениями идейного порядка. Их неприятие либеральных демократий, как и непосредственных соперников из ближайшего геополитического окружения, основано на культивировании собственного духовного и культурного превосходства над вероятным противником.

В современной международной политике целесообразно выделить три примерные вариации милитаризма. Первая из них характерна для развитых мировых держав, достигших уровня постиндустриального общества. Их отличает модернизированный милитаризм, как правило, проявляющийся в косвенных формах и эксплуатирующий мотивы гуманитарного порядка для оправдания своих агрессивных акций. Цели экспансии достигаются преимущественно при помощи специальных и подрывных операций, экономических и юридических санкций и информационно-психологического воздействия. Применение вооруженной силы также допускается, однако приоритетом выступают «военноподобные» акции, реализуемые под видом миротворчества или оказания гуманитарной помощи.

Поэтому в официальных военных доктринах западных стран радикально преобразились цели боевых операций. За войсками стали закрепляться не только сугубо военные, но и политические задачи: вместо нанесения поражения противнику требовалось лишить его поддержки гражданского населения, завоевав его доверие.

Военнослужащие демократических государств, а также их союзники в лице стран с «переходными» режимами, все чаще ориентируются на выполнение функций, прежде несвойственных для регулярных армий. Цели пребывания экспедиционных сил в зарубежных странах варьируются весьма широко, предусматривая такие варианты гибридных «военно-гражданских» акций как «операции по стабилизации», «принуждение к миру», «переход к миру», «удержание мира» и «реконструкция социально-политической системы государства» [7, с. 144].

Миссии воинских контингентов оказались предельно идеологизированы: помимо нанесения поражения противнику от них теперь требуется участие в построении на оккупированных территориях коллаборационистских политических режимов и систем управления, приемлемых для победителей. Предпринимаются попытки создания так называемых «стабилизационных корпусов», предназначенные для «постконфликтной реконструкции и стабилизации обстановки». Аналогичную роль в конфликтных регионах должны исполнять «мобильные команды развития», включающие представителей военного и дипломатического ведомств. Цели их деятельности сводятся к поддержанию безопасности, включая в себя как миростроительство, так и проведение контртеррористических операций. Под названием последних на деле нередко скрываются акции по подавлению повстанческих и национально-освободительных движений. Военные контингенты западных держав становятся инструментом, при помощи которого под видом укрепления международной безопасности перестраивается государственный строй и система социально-политических отношений в конкретном, формально независимом государстве. Выводя из оккупированных стран свои военные контингенты, лидеры западного мира параллельно усиливают на их территории деятельность «военно-гражданских миссий», которым предстоит завершать усилия по конструированию здесь политического строя, устраивающего атлантистов.

Вторую группировку милитаризованных государств представляли или представляют государства, не причисляемые к постиндустриальному миру. Правящие круги этих стран продолжали делать ставку на традиционные методы и технологии милитаризации, что предопределило их поражение в столкновении с ведущими мировыми державами. Неспособность использовать возможности информатизации и гуманизации общественных отношений, культивирование суррогатных или изживающих себя идеологий, ориентация на сырьевую экономику обуславливает бесперспективность противостояния военных организаций милитаристов-традиционалистов с евроатлантической коалицией. К тому же они не представляют собой сплоченного политического лагеря или объединения вокруг какого-то из мировых лидеров, каким в свое время был социалистический блок во главе с СССР.

Некоторые из милитаризованных региональных держав или малых стран успели присоединиться к новым мировым гегемонам, освобождая последних от необходимости обращаться к неприемлемым в общественном мнении способам воздействия на международную безопасность. Рассмотренная позиция отличает правящие круги монархий Персидского залива, Иордании, Турции, Пакистана, некоторых других стран. На пространстве СНГ схожую позицию продолжает занимать режим М. Саакашвили в Грузии.

Однако вооруженные силы и специальные службы стран, оставшихся на уровне милитаризма частично индустриального общества, гораздо больше преуспели в подавлении архаичных парамилитарных группировок, террористических сетевых организаций, нежели западные державы, обладающие беспрецедентной военной мощью.

Именно негосударственные субъекты, так или иначе связанные с традициями патриархального общества (которое также должно искать ответы на вызовы глобализации), являют собой третью вариацию современного милитаризма. Не случайно, что в результате вооруженных агрессий и «гуманитарных интервенций» США и их союзников место относительно вестернизированных военных диктаторов, опиравшихся на регулярные армии, занимается лидерами клановых милиций или террористических группировок. Мировоззрение и политическая стратегия акторов, не приемлющих самого факта существования атлантической цивилизации, создает предпосылки для сращивания милитаристских и террористических проявлений, что создает прямую угрозу региональной и международной безопасности.

Все описанные вариации современного милитаризма в полной мере проявили себя на постсоветском пространстве, т.е. именно там, где формируются факторы, определяющие национальные интересы Российской Федерации. Безопасность в данном регионе испытывает воздействие различных по своему содержанию милитаристских проявлений. Незавершенность конструкции политической системы, наличие вековых этноконфессиональных противоречий, нерешенность территориальных и экономических споров, способствуют влиянию фактора военной силы на отношения между странами СНГ. Большую роль в деле становления «нового милитаризма» в постсоветских республиках играет влияние извне. Оно отмечается и со стороны ведущих военных держав современности и со стороны неправительственных вооруженных группировок экстремистского характера.

Евразийское пространство стало объектом пристального внимания региональных и мировых держав, их коалиций, стремящихся реализовать здесь свои военно-политические замыслы. Правящим элитам бывших советских республик, многие из которых нередко относят к так называемым «несостоявшимся государствам», приходится испытывать давление со стороны влиятельных акторов международной политики. Вольно или невольно военные организации стран СНГ вовлекаются в вооруженные конфликты, не имеющие отношения к национальным интересам постсоветских государств. Так, военные контингенты Украины, Азербайджана, Армении, Казахстана, Молдавии, стран прибалтийского региона приняли активное участие в поддержании оккупационных режимов в Косово и Ираке.

В политическом плане стратегия милитаризации постсоветского пространства становится препятствием для реализации интеграционных проектов, пресекает возможность сближения бывших союзных республик и создания влиятельного межгосударственного объединения в ближнем зарубежье.

Постоянное внимание российского руководства к проблемам постсоветского пространства ослабляет его возможности по распространению своего влияния в других регионах мира, где концентрируются интересы страны.

Активность США и их союзников в ближнем окружении России вызывает аналогичные меры со стороны других государств, осознающих опасность появления у своих границ военной инфраструктуры западных держав и их союзов. Китай, Индия и Иран крайне озабочены проникновением на евразийское пространство атлантических организаций. Во имя собственных национальных интересов они готовы в разных формах и масштабах участвовать в милитаристских акциях в ближнем зарубежье России.

Таким образом, активное сотрудничество между НАТО, Евросоюзом и странами СНГ в сфере обороны и безопасности создает прецедент для привлечения на постсоветское пространство военно-политических институтов третьих держав. Реги-

он превращается в полигон острого геополитического соперничества, неотъемлемой чертой которого продолжает оставаться милитаризация международных отношений.

Присутствие на территории государств СНГ военных баз и воинских контингентов западных стран идеологически оправдывает деятельность антисистемных политических сил, включая экстремистские движения и террористические организации. Они также получают моральный предлог для проведения подрывных операций в ближнем зарубежье России, мотивируя свои действия необходимостью борьбы с неоколониализмом НАТО и США.

Милитаризация международной политики, имеющая место на постсоветском пространстве не создавая прямой угрозы международной безопасности, ведет к подрыву национальных интересов России в регионе.

Ограничивается ее свобода политического маневра в ближнем зарубежье, подрываются экономические и культурные контакты с бывшими советскими республиками, ущемляются права проживающих в них соотечественников. Описанные выше условия настоятельно требуют: руководству страны, опираясь на мнение экспертного сообщества, необходимо выработать комплекс мер, способных стать препятствием на пути сил, стремящихся при помощи политики милитаризации дестабилизировать безопасность в постсоветском регионе.

Литература

1. *Кузнецов В.Д.* Американское общественное мнение и использование военной силы. Период президентства Дж. Буша-младшего. (2001-2009). М.: «Либроком», 2010. С. 11

2. *Кулагин В.М.* Глобальная или мировая безопасность? // Международные процессы. Т. 5. № 2 (14). Май – август 2007. С. 50.

3. Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатурова. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 112.

4. *Мирский Г.И.* Мир без Запада ? // Общественные науки и современность. 2011. № 3. С. 11.

5. *Bacevich. A.* The New American Militarism. How Amercans are Seduced by War. Oxford, New York: Oxford University Press, 2005. P. 2.

6. *Барановский В.Г.* Евроатлантическое пространство: вызовы безопасности и возможности совместного ответа / Доклад для Комиссии Евроатлантической инициативы в области безопасности (EASI). Мюнхен, 7–8 февраля 2010 г. М.: ИМЭМО РАН, 2010.

7. *Карякин Н.В.* Военная политика и стратегия США в геополитической динамике современного мира. М.: Граница, 2011. С. 144.